

и, соответственно, в условиях продолжения санкций скорее всего предскажутся негативные последствия для России и россиян.

Список литературы

- Гончаренко Л.И. 2009. Налоговые риски. — *Финансы и кредит*. № 2. С. 2-11.
- Лисовская И.А. 2011. Налоговые риски: понятие, факторы возникновения, методы управления. — *Новый университет*. № 1. С. 3-13.
- Назаров Р.А. 2009. Управление налоговыми рисками организаций. — *Все для бухгалтера*. № 4. С. 25-27.
- Пинская М.Р. 2014. Налоговый риск: сущность и проявления. — *Финансы*. № 2. С. 42-48.

ZVEREVA Tat'yana Vladimirovna, Dr.Sci. (Soc.), Professor of the Chair of Advertising and Public Relations, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1, Novogorsk microdistrict, Khimki, Moscow Region, Russia, 141435; tatzvevlad@mail.ru)

MEL'KOV Sergey Anato'evich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor; Head of the Chair of State and Municipal Administration, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1, Novogorsk microdistrict, Khimki, Moscow Region, Russia, 141435; 304304@mail.ru)

LYABAKH Andrei Jur'evich, Lecturer at the Chair of State and Municipal Administration, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1, Novogorsk microdistrict, Khimki, Moscow Region, Russia, 141435; 0190555@mail.ru)

SCIENTIFIC ASSESSMENT OF POLITICAL ASPECTS OF TAX RISKS IN RUSSIA

Abstract. The article deals with political aspects of tax risks in modern Russia. The authors propose methodology for identifying these aspects on the base of conditional recognition of tax risks as political risks for the state (state power).

Keywords: political institute, tax agent, political problem, political risk, tax risk, political damage

ЗЕЛЕНКО Борис Иванович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/45, корп. 5; b.i.zelenko@rambler.ru; isras@isras.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НОРМАТИВНОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Аннотация. Статья посвящена поиску доминантных нормативов в отношениях российской власти и социума. В выявлении доминант главным является согласие как основание легитимности политической системы. В качестве нормативов выступают правовая демократия, политическая деалиенация, качество и ответственность власти в РФ, реальное равенство и др.

Ключевые слова: деалиенация (разотчуждение), ответственность, качество власти, правовая демократия

Цель статьи заключается в приращении знания в области научного понимания общественно-политического согласия и путей его возможного обеспечения. Это одна из многих попыток осмысления проблем согласия власти и

социума как сверхактуальной задачи в российском контексте. Ее сложность — в противоречивых социально-политических российских реалиях. Из-за этого согласие как бы зависло между конфликтом и компромиссом, что создает определенную его невнятность в политике и обществе.

Власть стоит перед дилеммой, которая составляет стратегему формирования согласия: идти по пути патернализма или партнерства. Общепринято, что согласие имманентно прежде всего партнерству, и общеизвестно, что патернализм иссякает по мере обесценивания сырьевого ресурса.

Сложность заключается и в теоретическом контексте — здесь имеет место крен в сторону дескриптивного, описательного подхода к онтологии подобного рода вопросов. А обеспечительный функционал согласия вообще фрагментирован. Отсюда новизна и актуальность темы прирастает и исследованием регулятивного, нормативного компонента в формировании согласия. Он подкрепляется тезисом, что государство — это организация жизни общества, власть же через закон и право — ее организатор. Согласие между социумом и властью есть квинтэссенция партнерских отношений на основе совокупных и взаимных интересов. Государство, выстраивая данные отношения, может задействовать свой механизм их регулирования.

Это один из основных объектов исследования. Эвристический метод способствует раскрытию его специфики в качестве отправной идеи, обеспечивающей формирование согласия.

Парадоксы российских демократических нормативов свидетельствуют об их актуализации. Есть норматив неподчинения известной части социума, но есть и нормативы неприятия социального расслоения и неравенства, нормативы противодействия свободному рынку, всеобщей коммерциализации, гедонизму и т.д. Решение известно — оно в консолидирующем векторе демократического развития, в культивировании и востребованности общественно-политического согласия. Это актуализирует поиск доминантных нормативов в отношениях власти и социума, в пользу чего говорит и аргумент Локка: согласие есть основание легитимности политсистемы [Локк 1988]. Последнее является основополагающим в выявлении упомянутых доминант. Во-первых, акцент делается на политическую деалиенацию (разотчуждение) власти и социума как возможный норматив их сближения; во-вторых, на качество и ответственность власти в РФ как контент общественно-политического согласия, как норматив и индикатор состояния демократии; в-третьих, на реальное равенство как основную демократическую нормативность в обеспечении согласия, правовую демократию как норматив защиты воли людей, выраженной в их согласии принять тот или иной правопорядок, и т.д.

Анализ первой доминанты фиксирует, что антитезой согласию является политическая деалиенация, т.е. отчуждение власти от своих граждан. Власть как организатор жизни общества недостаточно эффективна: хрупкое согласие властей предрержащих и социума так и осталось виртуальным, чего нельзя сказать о сплоченности в свете внешней политики, что также объяснимо. С позиций внутренней жизни отчуждение российской власти и социума латентно сохраняется, и, как следствие, открыт вопрос о согласии в социуме. Возможный путь решения этой проблемы лежит через преодоление отчуждения: чем более развиты нормативы разотчуждения (деалиенации), тем больше объем согласия, консолидации власти, граждан и социума.

Отечественная политология переживает «паузу» в этом анализе, что создает вакуум в классификации подобных явлений. Параметры внешнего поведения индивида не всегда верно отражают его подлинные мысли о политике. По М. Мамардашвили, человеку можно внушить все, кроме мыслей, которыми

думает он сам; можно внушить видимость согласия, понимания, но сама мысль, как и воля, не может быть внушена. Такого рода явления и составляют внутреннюю свободу [Мамардашвили 1991: 5].

По А. Шаффу, политическое отчуждение – это отчасти и политическая аномия, недостаток социально апробированных норм сосуществования человека и власти [Shaff 1980: 5, 26, 56, 66]. По логике, достижение именно этих упомянутых норм и есть преодоление отчуждения, т.е. то, что называется деалиенацией. Этот подход формализован. Смысл политической деалиенации состоит в формировании оптимума социально апробированных нормативов, регулятивов в сфере сосуществования власти и социума. Нормативы и есть так называемые деалиенаторы в преодолении политического отчуждения.

Логика анализа предполагает учет новых тенденций. От рассмотренного ранее норматива «политическая деалиенация» закономерен переход к качеству власти и ее ответственности как нормативу согласия. Их детерминированность очевидна; одно предполагает другое. В таком контексте проблема согласия видится в ином ракурсе. Диффузия качества власти и ее ответственности позволяет сделать это. Отсюда обоснован вывод о приоритете качественного госуправления, направленного на взаимодействие сторон и снятие напряженности за счет согласия. Для достижения этого, как утверждает философия, нужно пройти четкую цепочку позитивных действий и преобразующих мероприятий, чтобы реально подойти к общественному согласию и обеспечить его.

В политологии эта цепочка уже определена. Во-первых, следует сосредоточиться на разрешении совместными усилиями одного ведущего противоречия в социуме за другим, создавая тем самым в общественной реальности общую объективную почву для согласия. Во-вторых, на основе этого необходимо сближать и во многом совмещать (если не объединять полностью) различающиеся и противостоящие интересы разных социальных групп, отраслевых структур и власти, регионов и центра. В результате этого значительно сближаются друг с другом сознательно разделяемые позиции движений, объединений, партий, выражающих социополитические интересы определенных социальных групп, отраслей, регионов. Ныне это сознательно разделяемые и отстаиваемые позиции, поскольку объективные противоречия в социуме кардинально не решаются, и в подавляющей части они антагонистичны.

В XXI в. новые поколения россиян постепенно «перерастают» патернализм, что подтверждается политической практикой. Это существенно меняет их ментальность. Куда сложнее культивировать партнерство. По Друкеру, партнерами нельзя управлять, их можно только направлять [Друкер 2012]. В основе партнерства – конвенциональные отношения, что составляет суть согласия. А оно, как упоминалось, должно быть приоритетом эффективного госуправления. Таким образом, у власти должно возобладать движение к партнерству.

При этом необходимо учитывать эмпирику и онтологию власти, которые свидетельствуют о ее неэффективности. Согласно Этциони, политические ресурсы делятся на принудительные, утилитарные и нормативные [Классификация.... 2006]. В РФ происходит сосредоточение первых двух ресурсов в одних руках и использование их в политических целях. Вместе с тем напрочь игнорируется использование нормативного ресурса. Это свидетельствует о складывающейся монополизации власти, ведущей так или иначе к политической коррупции, а следовательно снижению ее качества.

Поэтому власть в РФ является интегральной, при которой, согласно Ронгу, принятие решений и инициатива к действию монополизированы только одной стороной. Ей противопоставляется интеркурсивная власть, характеризующаяся

балансом отношений власти и разделением сфер влияния между сторонами. Об интеркурсивной власти можно говорить, когда власти одной из сторон противостоит власть другой, где есть процедуры переговоров и совместного принятия решения на основе согласия. По Ронгу, интегральная власть может быть ограничена контролем за ней, пересмотром ее властвующего статуса или их перемещением и заменой, установлением границ компетенции. Если подобные меры реальны, а не являются предохранительными клапанами, вроде конституций, то должны возникать источники власти, независимые от интегральной власти. В социуме должны существовать центры, реально противостоящие интегральной власти, ограничивающие ее [Wrong 1994]. Что-то подобное в РФ начало возникать, хотя и в зачаточном состоянии.

Политическая ответственность отсутствует вследствие отсутствия соответствующих практик. Растет политическое отчуждение, при котором социум с трудом различает субъект власти. Объект лишь осуществляет контекст собственной жизни при той или иной власти, причем старается жить в рамках закона, а следовательно вне коррупции, что сложно. Трудна в настоящих реалиях и корреляция согласия с партнерством и конвенциональностью. Встает вопрос о взаимовлиянии субъекта и объекта власти, культивирование его эффективности как первичного в политическом пространстве. Согласие здесь выступает как субстрат взаимодействия разных политических акторов.

Качество власти имманентно ее ответственности. Постоянно действующая политическая ответственность является одним из главных средств согласования воли субъектов политического процесса. Ее цель – в создании для социума в целом и для отдельных ее членов большей защищенности как необходимого условия развития партнерских отношений на основе согласия и, что самое главное, как реального норматива демократического состояния того или иного общества, особенно в кризисные периоды. В этом качестве политическую ответственность, вслед за конституционной, можно рассматривать как одно из атрибутивных свойств демократического правового государства.

Политическая ответственность – это ответственность не только перед обществом, а прежде всего – перед законом. Отождествляя политическую ответственность с конституционной (и это совпадает с позицией ряда юристов), можно говорить о юридической природе данного вида ответственности.

Реальное равенство как доминантный демократический норматив обусловлено тезисом о согласии как востребованной реальности. Отсюда объектом выступает идея укоренения согласия, но она осложнена реальным неравенством при существовании формального равенства. Это обусловлено доминированием государства в социополитической практике. Развитие здесь идет по пути патернализма, когда политическое согласие и социальное партнерство находятся на втором плане. Власть приводит в действие собственные механизмы, основанные, в частности, на сырьевых углеводородных ресурсах. Отсюда корреляция конъюнктуры последних с растущим реальным неравенством. Выход из этого может заключаться в обновлении и смене регулятивов общественной жизни с императивного на диспозитивный. Императивный, т.е. патернализм, характеризуется фактическим неравенством сторон, здесь преобладают ограничения. Для диспозитивного регулятива характерна разрешительная практика, направленная на диверсификацию экономики.

В политической социологии акцент уже давно смещен на обновление персональных политических брендов, политической риторики и устранение растущей дисфункциональности системы партийного манипулирования. Для согласия с обществом рекомендуется обновить коммуникативный ряд. Однако его появление невозможно без появления новых персоналий.

Суть укоренения согласия в стране — уменьшение реального неравенства. Формальное равенство — это равенство перед законом, фактическое неравенство касается социального статуса, закрепленного в Конституции РФ. Формальное равенство девальвируется фактическим неравенством. Здесь узел противоречий, идущий вразрез с согласием. Констатируем, что движение к согласию, уменьшению напряженности в обществе нивелируется формально-юридическим подходом, т.е. равенством во всем. Но формально равный подход — одна из причин отсутствия согласия в обществе. (Здесь достаточно сослаться на практику применения равного для всех подоходного налога.)

Правовое государство, фиксируя формальное равенство граждан, оставляет без внимания реальное социальное неравенство. Это несоответствие тотально распространено в современной России. Между тем ситуация требует кардинальных изменений в правовом статусе Российского государства, наполнения его социальным содержанием. Социальная политика государства может и должна осуществляться в соответствии с правовым принципом формального равенства.

Предлагается разработать некую регулятивную систему ограничений в отношении преимуществ более сильного, которые с определенного времени начинают умножаться независимо от его личных усилий [Лапаева 2008]. Это задача и цель политологии, права и политической социологии. Данная логика экстраполируется и на сферу политических отношений, особенно в области российской многопартийности и электоральной системы. Закон «О политических партиях» обеспечивает преференции для партий, уже ранее функционирующих в политике. То же самое можно сказать и об электоральном законодательстве, содержащим льготы для партий с парламентскими фракциями. Действует упомянутый принцип накапливающегося преимущества при отсутствии формального равенства. И партии умножают свои и без того значительные преимущества. В контексте упрочения в РФ общественно-политического согласия — это нонсенс.

Говоря о правовой демократии как нормативе согласия, необходимо исходить из следующей схемы: через демократию участия — к общественному компромиссу, выраженному в праве, а от него — к общественно-политическому согласию — вот алгоритм развития правовой демократии. Общественно-политическое согласие в компромиссном разрешении является имманентной и атрибутивной составляющей правовой демократии.

Необходимость развития правовой демократии обусловлена ее актуализацией. В нынешних условиях становления правового государства ее можно рассматривать как некий норматив обеспечения порядка и «наверху», и «внизу» через согласие людей и общественные компромиссы. Общество развивается через усложнение и дифференциацию: чем больше социальных различий, тем больше опасность деструктивных социальных столкновений.

Правовая демократия делает правовое государство свободным от приказной управляемости. При этом демократия трансформируется в правовую, при которой, в конечном итоге, социум первичен.

Главное в следующем: правовое регулирование в стране должно осуществляться в соответствии с волей народа, выраженной в его согласии принять тот или иной правопорядок. В русле этого необходимо осуществлять политико-правовое обеспечение согласия в обществе.

Закон — более запрещающая категория, право — разрешающая и ценностная. Отсюда право выступает как созидатель и индикатор согласия, как его необходимый обеспечительный компонент. Право является концентратом справедливости, специфичным механизмом сочетания интересов, доминантным фак-

тором стабильности социальной системы. Все это лежит в основе жизнеспособности социальной системы в контексте наличия или отсутствия согласия в обществе. Но при этом отмечаются некие парадоксы.

С одной стороны, общество в большинстве своем доверяет самому высшему должностному лицу в стране и согласно с его деятельностью. С другой — социум зачастую не согласен с правилами жизни, которые продуцирует та же власть. Так, асоциальность достаточно большого числа принятых законов свидетельствует о том, что нормотворческая деятельность законодателя (парламента) является неправовой, т.е. зачастую несправедливой. И речь здесь не только о правосознании и правовой культуре законодателя, а о выживании людей. Достаточно вспомнить о неправовой приватизации, неправовой плоской шкале налогообложения, применении неправовых законов в электоральном цикле, заслон из неправовых законов в проведении референдумов и т.д., и т.п.

Неправовой характер немало числа законов способствует замене согласия социума с властью на его противоположность, создает социополитическую напряженность в стране, приближающуюся к весьма нежелательной точке.

В этой связи следует кардинально перестраивать нормотворческую парадигму в парламенте. Необходимы правовые стандарты, касающиеся реализации того или иного политического решения. Здесь-то как раз и нужен соответствующий уровень правосознания и правовой культуры.

Список литературы

Друкер П. 2012. *Менеджмент. Вызовы XXI века* (пер. с англ. Н. Макаровой). М.: Манн, Иванов и Фербер. 255 с.

Классификация ресурсов по А. Этциони (под общ. ред. В.С. Комаровского). 2006. М.: Изд-во РАГС.

Лапаева В. 2008. Правовой принцип формального равенства. — *Журнал российского права*. № 2. С. 67-80.

Локк Дж. 1988. *Сочинения*. В 3 т. М.: Мысль. Т. 3. 668 с.

Мамардашвили М. 1991. Вена на заре XX века. — *Независимая газета*. 20 окт.

Schaff A. 1980. *Alienation as a Social Phenomenon*. 1st edition. Oxford: Franklin Book Co. 318 p.

Wrong D. 1994. Some Problems in Defining Social Power. — *Power: Critical Concepts* (ed. by J. Scott). Vol. 1. L: Routledge. P. 62-71.

ZELENKO Boris Ivanovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher of the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; isras@isras.ru; b.i.zelenko@rambler.ru)

POLITICAL NORMATIVITY OF THE PUBLIC CONSENT FORMATION

Abstract. The article is devoted to the search for dominant norms in the relations between the Russian authorities and the society. In identifying the dominants, consent is the most important factor as the basis for legitimacy of the political system. The norms here are legal democracy, political dealienation, quality and responsibility of the authorities in the Russian Federation, real equality, etc.

Keywords: dealienation, responsibility, quality of authority, legal democracy